

БИБЛИОТЕКА ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА

Сообщение В. Пуришевой

1

Брюсов, эрудит, впитавший в себя все многообразие мировой культуры, естественно, рисуется перед нами на фоне книжных полок. Книги проходят красной нитью в творчестве и жизни поэта. Книгам он посвящает восторженные стихотворения (например, стихотворение «Книга» в сборнике «Меа», 1922—1924), книгам он поверяет свои затаенные думы. Изображая в стихотворении «Бруз» (книга «Миг», 1920—1921) тяжелый груз жизненного опыта, он начинает перечень составных его звеньев с книг.

В стихотворении «Терцины к спискам книг» (из книги «Urbi et Orbi») Брюсов в ярких строфах повествует о «тайнствах» книголюбия; в стихотворении «Библиотеки» (из книги «Последние мечты», 1917—1919) слагает торжественный гимн властной силе книгохранилищ, как факел, освещающих мглу веков («Власть, времени сильней, затаена — В рядах страниц, на полках библиотек — ...В былых столетьях чей-то ум зажег — Сверканье, и оно доныне светит. — Во мгле, куда суд жизни не достиг, — Где тени лжи извилисты и зыбки, — Там дротик мстительный бессмертных книг, — Веками изодрен, бьет без ошибки»). С ранних лет Брюсов заботливо составляет свою библиотеку, которая вскоре становится неотъемлемой частью его творческой жизни, превращаясь в богатейшее собрание книг по всевозможным отраслям знания.

Критик А. Измайлов, посетивший В. Я. Брюсова в 1910 г., так описывает библиотеку поэта:

«...Библиотека в его кабинете, но опять совсем не похожая на библиотеки типично московских любителей... След действительно работающего человека лежит на этой библиотеке. Иной языковед мог бы позавидовать Брюсову в знании языков. В этой библиотеке — и французские, и немецкие, и английские, и итальянские, и испанские, и чешские, и латинские, и греческие книги. Эти полки — как бы отражение разных полос увлечений хозяина. Вот целый шкаф французских поэтов от Вольтера до Верхарна. Вот англичане и полоса влечений к Шекспиру, Байрону, Шелли, Уайльду. Вот полки, посвященные оккультным наукам... «Через все надо пройти», — и Брюсов, отдавший дань этой области, не потерял к ней интереса и по сейчас. Ответ занятий его в этой сфере определенно лежит на романе «Огненный ангел...». «Особые полки заняты римской литературой в подлинниках. — Это мое постоянное и даже теперешнее увлечение, говорит Брюсов...» «У Валерия Брюсова», «Биржевые Ведомости», 1910 г., 23—24 марта. Цитируется по книге: (Н. С. Ашукин, Валерий Брюсов. М., 1929, стр. 263).

В своих дневниках Брюсов не устает отмечать покупку книг, по тем или иным причинам привлекавших внимание поэта. «В воскресенье купил я на Сухаревке несколько книг и среди них «Материалы» Анненкова». «Давно книга не производила на меня такого впечатления», — записывает он 17 февраля 1897 г. в дневник (неопубликованная часть). Подобных примеров можно было бы привести большое количество. Брюсов с увлечением собирал свою библиотеку, не жалея на нее денег. Он не пропускал ни одного вербного базара, всегда проходил по Сухаревскому рынку, скупая там старинные книги, рукописи и альбомы со

стихами. Путешествуя по Европе, он не устал посещать книжные магазины и базары, завязывая тесные сношения с солидными книгопродавцами.

«...Сколько я помню, — сообщает И. М. Брюсова, — книги покупались Валерием Яковлевичем всю жизнь. Открытый счет в книжных магазинах у Ланга, Вольфа, Готье, Дейбнера, Гирземана в Лейпциге позволял выписывать и покупать необходимую книгу во всякое время. Кроме того, книги приобретались у букинистов «на вербе», «на Сухаревке» по воскресеньям и т. п. Покупались книги, большей частью нужные в данный момент, но покупались и просто, как «интересные», и такие, которые когда-нибудь «могут пригодиться». Так образовалась библиотека; иногда в ней производилась «чистка», первыми изгонялись «глупые романы», чтобы не занимали места. («Романы» покупались случайно, беллетристика большей частью бралась из библиотеки). Два раза в жизни я приглашала букинистов и продавала «хлам» — книжный балласт, который предварительно был заключен на годы в чулан (в доме на Цветном) и в ванную (на Мещанской). Однажды В. Я. решительно подверг остракизму мелкие сборники стихов начинающих поэтов, а через несколько лет, увидев их случайно в ванной, рассердился: «Мне они очень нужны, я буду о них писать». Конечно, В. Я. не поверил моим уверениям, что сосланы они были по его же распоряжению. Поэты были водворены на места» (Из неизданных воспоминаний. См. Н. Ашукин. Валерий Брюсов. М. 1929, стр. 265).

При этом Брюсов всегда уделял много внимания внешнему виду книги, ее сохранности, заботился о переплетах, отнюдь не увлекаясь, однако, кричащей роскошью внешнего оформления. До революции по воскресным дням на дом к Брюсову регулярно являлся переплетчик, и поэт подолгу обсуждал с ним вопросы, связанные с переплетом книг. Почти вся библиотека В. Я. переплетена в однотипные переплеты с характерным золотым тиснением на корешках, при чем нередко печаталось заглавие, а не автор (как обычно). Отметим также, что В. Я. не любил давать своих книг на сторону и часто отказывал, поручая своей жене Иоанне Матвеевне сказать просителю, что книга у него занята.

Кроме покупок, библиотека поэта пополнялась дарственными экземплярами. В итоге создалась замечательная библиотека, мимо которой не может пройти ни один исследователь, углубленно занимающийся изучением жизни и творчества поэта. Библиотека Брюсова ярко отражает его многосторонность и культурный универсализм, следы пройденных им многообразных путей и перепутей.

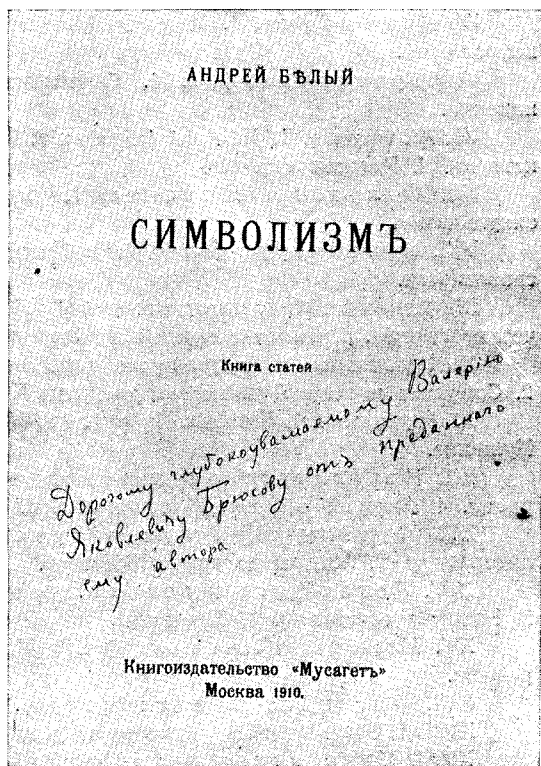
Нижеследующие заметки ставят своей целью дать хотя бы краткие сведения о библиотеке Брюсова.

2

Книги своей библиотеки Брюсов располагал по системе, им самим выработанной. В заметке, обнаруженной в одной из книг библиотеки Брюсова, он писал: «Насколько для большой библиотеки необходимо подразделение по отделам, соответствующим научному строго-логическому подразделению всех отраслей знания и литературы, настолько для маленькой частной библиотеки такая система неуместна. Большие библиотеки — научные, правительственные, публичные библиотеки столиц, университетские и т. п. как к своему пределу стремятся внести в каталог все существующие книги, и пополнение какого-либо отдела дается в их рассмотрении как временное. Напротив, частные библиотеки имеют свои собственные задания и известные отделы в них с необходимостью даны или отсутствуют или пополняются случайными изданиями. Поэтому для частных библиотек предпочтительней деление на отделы не с одной, а с нескольких точек зрения. Так, например, в библиотеках исторических сочинения исторической литературы и доисторической обнимают несколько отделов, тогда как прочая вся литература может быть заключена в одном отделе. Считался с этим и я, собирая книги преимущественно по литературе, распределял главнейшее на несколько отделов, называя, например, отдел для книг, относящихся к Пушкину,

КНИГА АНДРЕЯ БЕЛОГО «СИМВОЛИЗМ» О ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Собрание И. М. Брюсовой, Москва

но очень возможно записать в один отдел все естествознание, выделив (однако) в особую рубрику математику (которая записывается библиотекарем специально). Вторую особенность для расстановки составляет отсутствие разделения сочинений по языкам. Читая безразлично на нескольких языках, я не видел надобности разделять сочинения, тесно между собой связанные по содержанию, на основании тех внешних признаков, как язык, на каком они написаны. Соответственно с этим переводы непосредственно следуют за оригиналами того же автора. Для удобства справок в важнейших случаях после сочинения одного писателя или по какому-либо вопросу указаны и книги, относящиеся к тому же из других отделов. Если при этом сделать через указан. отд. (римские цифры) подотдел (латинские буквы) и книги (№), занумерование всех книг под порядковыми №№ казалось мне неудобным в виду жизненности моей библиотеки, пополняющейся новыми сочинениями.

С приведенными высказываниями В. Я. Брюсова тесно связаны его рукописные наброски, озаглавленные «Отделы моей библиотеки», сохранившиеся в трех вариантах. Два варианта, более ранние, написаны карандашом и испещрены многочисленными исправлениями. Третий вариант, окончательный, написан чернилами и почти вовсе лишен исправлений. По свидетельству И. М. Брюсовой, рукопись может быть датирована 1918—1919 гг. Наброски представляют собой опыт библиотечной классификации наук, не лишенный и в настоящее время известного теоретического интереса.

Рукопись, написанная чернилами, содержит следующее:

- I. Языкознание. Словари. Грамматика.
- II. Энциклопедии. 1. Энциклопедические словари. 2. Специальные словари. 3. Справочники.
- III. Богословие. 1. Святое писание. Церковные книги. 2. Библейская история. История церкви.

IV. Философия. 1. История философии. 2. Сочинения философов (и по психологии).

V. Юриспруденция. 1. Сочинения теоретические. 2. Собрания узаконений.

VI. История. 1. История Востока. 2. История Греции и Рима. 3. Всеобщая история. 4. Русская история.

VII. Окультизм. 1. История оккультизма. 2. Трактаты по оккультизму.

VIII. Литература (вообще). 1. История литературы всеобщей. 2. Теория словесности.

IX. Античная литература. 1. История античных литератур. 2. Греческие авторы. 3. Римские авторы. 4. Переводы античных авторов.

X. Русская литература (вообще). 1. История русской литературы. 2. Собрание сочинений писателей до конца XIX в.: а) проза; 3. То же: б) поэзия.

XI. Пушкин. 1. Книги о Пушкине. 2. Издания сочинений Пушкина. 3. Эпоха Пушкина.

XII. Новая русская литература. 1. Поэты. 2. Прозаики. 3. Футуристы. 4. Валерий Брюсов: а) сочинения. 5. Валерий Брюсов: б) работы об нем.

XIII. Французская литература (вообще). 1. История французской литературы. 2. Авторы до конца XIX века.

XIV. Новая французская литература. 1. Критика и библиография. 2. Издания сочинений. 3. Переводы.

XV. Немецкая литература. 1. История литературы. 2. Авторы. 3. Переводы.

XVI. Английская литература. 1. Английские книги. 2. Переводы.

XVII. Итальянская литература. 1. Итальянские книги. 2. Переводы.

XVIII. Славянская литература. 1. Польша. Сочинения и переводы. 2. Чехия. 3. Другие.

XIX. Армянская литература. 1. История литературы. 2. Сочинения, оригиналы и переводы.

XX. Другие литературы. 1. Испанская, шведская, голландская и др. книги и переводы с этих языков. 2. Восточная литература, книги на вост. яз. и переводы с них.

XXI. Искусство. 1. История искусств. 2. Эстетика. 3. Художественные издания.

XXII. Математика. 1. История математики. 2. Сочинения по математике и учебники.

XXIII. Естествознание. 1. Астрономия. 2. Физика и химия. 3. География. Атласы. 4. Прочие естественно-научные дисциплины.

XXIV. Повременные издания. 1. Журналы и газеты: а) русские. 2. Журналы и газеты: б) иностранные. 3. Альманахи: а) русские. 4. Альманахи: б) иностранные.

От третьего варианта рукописи «Отделы моей библиотеки» вышеупомянутые подготовительные варианты отличаются, главным образом, тем, что в них отсутствуют отделы V (юриспруденция) и VIII (литературоведение). Помимо того, по рукописям видно, какое большое внимание уделял В. Я. библиотечной классификации наук, с какой тщательностью и вдумчивостью стремился он систематизировать свои книжные фонды, внося в это дело свойственную ему точность и стремление к теоретическим обобщениям. Интересно отметить, что, когда В. Я. было 25—27 лет, он составляет обстоятельную опись своей библиотеки, набрасывая при этом краткую схему библиотечной классификации. Сохранились три тетрадки: первая — «Список моих книг к осени 1898 г. Валерий Брюсов» — на 31 страницах. На первой странице списка карандашом вперемежку с чернилами набросано:

1. Богословие. 2. Созерцание (философия). 3. Стихотворцы русские. 4. Стихотворцы иностранные. 5. Повествователи. 6. Наука о словесности (история литературы). 7. Наука о человечестве (история). 8. Древние писатели. 9. Временники (журналы). 10. Словари и учебники. 11. Смесь.

Далее идет описание книг по графам с указанием места издания, года и цены. В конце тетради приложен отдельный лист: «К списку моих книг» — итоги, где каждый отдел подсчитан и оценен, например: стихотвор. русские — 68 названий, 94 тома 53 писателя, цена 95 р. 75 к. Наука о словесности — 34 названия, 34 тома, 31 писатель, цена 48 р. 05 к. и т. д.

«2-й список моих книг. Составлен осенью 1899 г.». Этот список не имеет перечня отделов и содержит только тщательно записанные сведения о книгах на 24 страницах.

Третий и самый пространный — «Список моих книг. Составлен в самом начале 1900 года» — 56 страниц. В начале рукописи помещен перечень отделов:

I. Книги святого писания. II. Богословие и философия. III. Стихи русские. IV. Стихи иностранные. V. Драматургия. VI. Повествователи. VII. Наука о словесности. VIII. История. IX. Естественные науки. X. Древние писатели. XI. Словари. XII. Учебники. XIII. Журналы и альманахи. XIV. Смесь. XV. КATALOGИ. Итоги. Указатель авторов.

В этой тетрадке с еще большей тщательностью дается описание книг, распределенных по детально разработанным графам.

3

В настоящее время библиотека Брюсова, в основном сохранившая то построение, которое было ей дано покойным поэтом, насчитывает около 5 000 книг (точнее: 4.783). Из них справочный отдел (словари, грамматики и т. д.) включает 200 томов. Кроме русских энциклопедических изданий, здесь имеются многочисленные грамматики и словари: словари по литературе, географии (Egli. Nomina geographica Lpz., 1893), такие специальные словари, как Glossarium eroticum linguae latinae. P. Pierrugnus, 1908 (нумерованный экземпляр) № 158, и т. п.; словари древних и новых европейских и восточных языков (латинского, греческого, санскрита, персидского, армянского, арабского, японского, шведского и мн. др.).

По оккультным знаниям — 47 томов. Некоторые книги названного отдела являются библиографической редкостью, например, сочинения Агриппы Нестесгеймского в издании XVI в. (По сообщению И. М. Брюсовой, оккультный отдел насчитывал раньше больше томов; значительная часть его была в 1920 г. В. Я. продана.) Книги почти все на иностранных языках; выписывались они обычно В. Я. Брюсовым через лейпцигскую книготорговлю Hirseman'a.

Античный отдел насчитывает 241 книгу, которые почти все были выписаны из-за границы. По литературоведению собрано 330 книг. Особый интерес представляют книги Пушкина и о нем: 224 книги; среди них много редких изданий. Особо должен быть отмечен совершенно исключительный по полноте отдел по эпохе символизма. Этих книг около 1 135. Также очень богато представлена французская литература; здесь выделяется собрание книг по эпохе французского символизма (всего 676 экземпляров). Немецкая литература представлена значительно беднее: всего 93 книги; английская — 129; итальянская — 66; по армянской литературе собрано 80 книг, в том числе книги на армянском языке.

Отдел по истории религий насчитывает 43 книги. Философия (история философии и сочинения философов) представлена 143 книгами. По искусству собрано 220 томов, главным образом, монографии о художниках и книги по истории быта и костюмов. По математике, которой В. Я. занимался всю свою жизнь, собрано 64 книги, из них многие по высшей математике. Насколько большое значение В. Я. придавал математическим знаниям, свидетельствуют, например, такие факты:

проводя в Высшем литературно-художественном институте своего имени вступительные испытания, В. Я. нередко задавал поступающим вопросы из области математики, замечая при этом, что ориентированность в вопросах математики весьма полезна и даже необходима для литературоведа и писателя. В том же институте в часы, свободные по тем или иным причинам от занятий, В. Я. читал студентам лекции по истории математики. В этих лекциях В. Я. успел остановиться на развитии математических знаний у древних китайцев, египтян и арабов.

Науки о природе (химия, зоология, физиология, геология и др.) также интересовали Брюсова, и 47 книг, находящихся в его библиотеке, хранят следы его внимательного чтения. Особое место в библиотеке занимают альманахи русские и иностранные (их 233 экземпляра) и журналы эпохи символизма (320 томов). Других журналов и оттисков 698. Книг по юриспруденции, которым в рукописном наброске «Отделы моей библиотеки» отведено определенное место, не обнаружено. Зато имеется большое количество исторических и географических атласов.

4

Брюсов любил читать книги с карандашом в руках и на полях книги делать многочисленные, самые разнообразные пометки. Иногда это — подчеркивания, знаки вопроса, восклицания и т. п., иногда связанные критические этюды, весьма любопытно дополняющие или даже корректирующие печатные выступления В. Я. по данному вопросу; иногда это — хронологические таблицы, уточнения, добавления, поправки, стихотворные экспромты, переводы и мн. др. В целом маргиналии (пометки на полях книги) Брюсова представляют большой интерес для изучения творчества поэта. Нельзя, однако, не отметить, что описание маргиналий Брюсова связано нередко с большими трудностями. Пометки В. Я. не всегда разборчивы, а иногда они столь пространны, что описание их становится делом весьма сложным. Так, работая над неосуществившимся «Пушкинским словарем» для Академии наук, Брюсов в такой степени испещрил пометками некоторые книги своего пушкинского отдела, что описание их заняло бы целый том. Как уже отмечалось выше, маргиналии В. Я. весьма многообразны. В энциклопедических словарях он имел обычай подчеркивать имена, даты, события (в статьях Рим, Ассирия, Египет и др.). В грамматики и иностранные словари внесены замечания, вставлены пропущенные слова и выражения (например, в словарь французского языка Редкина вставлено слово «muffler — растение львиный зев» и мн. др.).

По отделу литературоведения особенно богаты маргиналиями книги по стихосложению. Здесь начертаны размеры, даны примеры аллитераций и т. п. В книге по истории литературы в ряде случаев вклеены хронологические таблицы. Например, в книге «Русская поэзия» (под ред. Венгерова, отдел III, СПб., 1895) к переплету приклеена составленная В. Я. хронологическая таблица жизни и творчества Кантемира, Тредьяковского, Ломоносова, Сумарокова. Иногда на полях Брюсов приводит пространные цитаты из различных поэтов и критиков. Следы пристального изучения хранят книги Державина, Карамзина, Веневитинова, Тютчева, Лермонтова, Баратынского. Особенно богат маргиналиями пушкинский отдел. По пометкам на книгах видно, какую огромную исследовательскую работу производил Брюсов над текстами Пушкина. Многие книги испещрены всевозможными пометками и подчеркиваниями на полях и в тексте. Например, в книгу Лернера «Труды и дни Пушкина. Хронологические таблицы о Пушкине» (М., 1903, «Скорпион») в текст вплетено 78 белых листов, покрытых пометками. Второе издание этой книги также сплошь испещрено пометками, добавлениями, исправлениями. На обороте титульного листа написано: «Общ. недост. День рожд. имен. пасхи и разн. празд. Не сделано попытки хронологического распред. стих. (позж. 1816). Излагая письма, сообщает несущественное». Над стихами Пушкина написаны варианты и стихи. Там же вплетены чистые листы, на которые Брюсовым внесено много пространных замечаний, а также дополнений к датам

биографии Пушкина. Брюсовым особенно тщательно была изучена книга «Пушкин и его современники» (материалы и исследования, вып. IX—X, СПб., 1910), содержащая библиографическое описание маргиналий Пушкина. Почти каждая помета Пушкина на книгах подчеркнута Брюсовым.

В книгах античного отдела встречаются написанные на полях и неопубликованные переводы Брюсова из римских и греческих поэтов. В книге Горация «Избранные оды» (СПб., 1889) к окончанию I оды «Maecenas atavis...» к стихам 29—36 написан перевод, который является вариантом девятой строфы стихотворения «К Меценату»:

Но возносит меня мудрых награда плющ
До бессмертных богов; роща прохладная
И воздушные нимф хоры и сатиров
Разлучают с толпой, если Евтерпа мне
Хочет флейту вручить и Полигимния
Не откажется дать Лесбойский барбитон.
А тобой меж певцов признан лирических,
Я главой вознесусь к звездам возвышенной.

К Оде XVI набросан перевод двух строф:

Мира у богов молит, кто в Эгейском
Море полонен, в час, как черный облак
Кроет лик луны и пловцам не блещут
Верные звезды.
Мира — в дни войны яростный фракиец,
Мира — Парфы, те, чья краса — колчан,
Мира молит Гросф, что не купит злато
Пурпур или геммы.

Французское издание Горация хранит большое количество помет В. Я. на латинских текстах. В. Я. нередко пишет на полях свои заметки тоже на латинском языке. Штудирова римских поэтов, Брюсов отмечает примеры звукописи, аллитераций в стихе и пр. (например, против стиха Горация: «Et statuent tumulum et tumulo sollemnia mittent» на полях написано: tttttttt, m, m, m, m, m, eeeee. Или к стиху «Non patriae validas in viscera vertite viris» — vvvv ttt — rrrr).

По разделу новой западноевропейской литературы наибольшее количество помет хранят книги Данте, Эразма, Гете, Шиллера, Гофмана, Гейне, Гофмансталя, Баумбаха, Шекспира, Байрона, Шелли, Уайльда, Уита, Строба и др. Так, например, в первом томе «The poetical works of lord Byron» (London — New York, 1885) на шмуцтитальном листе набросаны стихи:

Прочь, мирные парки, где, предаваясь печали,
Меж роз отдыхают (насыщенные) люди.
Мне дайте утесы, покрытые снегом
Священный отдых для любви и свободы.
Люблю Каледонии хмурые скалы,
Где молнии блещут, стихает понсар,
Где, пенясь, ревет водопад одичалый,
Суровый и мрачный люблю Лонна-Гар.
Ах, в детские годы здесь часто блуждал я
В небрежном плаще и шотландском берете.

Книги с произведениями самого поэта испещрены вариантами, следами подготовки для переиздания. Так, в книге «Chefs d'oeuvre. Сборник произведений (осень 1894 г., весна 1895 г.)», М., 1895, многие стихи исправлены. Например, в поэме «Осенний день» строфа пятая, напечатанная на стр. 15, исправлена следующим образом:

В безмолвии слова так хороши,
 Так сладостны в безлюдном парке ласки,
 И так блестят возлюбленные глазки
 Осенним днем в осмеянной глуши.

* * *

Пусть смерть кругом: упрямые вороны,
 Столбы осин и павший багрянец,
 Пусть этот мир, предчувствуя конец,
 Едва, едва лишь подавляет стоны.

* * *

Но в наших душах реяла весна,
 И ландыши вскрывали венчик белый..
 К твоим губам я весь припал, несмелый,
 И замерла с улыбкой тишина.

Во втором издании «Chefs d'oeuvre» содержится значительное количество вариантов отдельных стихов и целых стихотворений; например, в стихотворениях «На журчащей Годавери», «Летучая мышь» многие строфы зачеркнуты и переписаны заново. Такой же детальной переработке на полях подверглись книги: «Urbi et Orbi. Стихи 1900—1903 гг.»; «Tertia Vigilia. Книга новых стихов 1897—1900», а также «Французские лирики XIX века», как издания «Пантеона» так и издания «Сирина»; «Эмиль Верхарн. Стихи о современности. Перевод Валерия Брюсова» М., «Скорпион», 1906; «Пути и перепутья», М., «Скорпион», 1908; то же, 1909; «Огненный ангел», М., «Скорпион» 1909; Оскар Уайльд, «Герцогиня Падуанская», М., «Польза», 1911; «Зеркало теней», М., «Скорпион», 1912; «Семь цветов радуги», М., 1916; «Библиография Валерия Брюсова в 1889—1912 гг.», М., 1913; где в книгах вплетены чистые листы, на которых занесено чрезвычайно много добавлений, и «Русские Символисты» (вып. I), где многие стихи переправлены и в измененном виде до сих пор не опубликованы. В книгу «О искусстве» (М., 1899) В. Я. вписывает: «Я переменял бы в своей книге многое: все лейбницевское, все о общении (См. Сев. Цв. 901 г. Истины). Еще больше прибавил бы. Я узнал, что есть не одно искусство, а несколько, а еще вернее, что вовсе нет искусства. Я теперь почти так же осмеиваю слово искусство, как красота. Говорить о искусстве значит предполагать что-то отдельное, особое, субстанциональное. Этого нет. Есть только окаменевшие крики и окристаллизовавшиеся порывы. Что застыло и как оно стало кристаллом — разнствует бесконечно. Если мы и дадим одну формулу для всех этих проявлений, она будет так широка, что обоймет весь мир, и совершенно пуста, п. ч. будет основана на внешнем признаке. Бывает искусство мертвое и живое. Я не могу первому отказать в праве называться искусством, хотя и знаю, что его создания трупы. Это то, что прежде называлось искусством для искусства. Это Ап. Майков, Эредиа, Тургенев, Овидий, Грильпарцер и сотни «маститых» всех времен и стран. Живое искусство всегда «бродит в безднах», всегда касается тайны, ибо тайна — его душа, оживляющее ее начало; оно всегда философично, мистично, религиозно, если понимать посл[еднее] слово широко. Это искусство и Пушкина, и Достоевского, и моего Верхарна, и всемирного Гете. Но есть еще третье искусство, полуживое так ска[зать]. Я боюсь продолжать, чтобы не написать трактата. А что больше всего я переменял бы в своей книге — это язык и метод: сухой, кастрированный язык, фразы, как бабочки насаженные на булавки, и метод гнусный, рассудочный, рационалистический, ничего не доказывающ[ий], но всем распоряжающийся, как отряд жандармерии» (ср. выше письмо к П. П. Перцову, стр. 287 настоящего тома).

На выходном листе наклеена вырезка из автобиографии Мусоргского, и под ней набросан «План 2-го изд. О искусстве»:

1. Предисловие. 2. Против красоты. 3. Против искусства для искусства.

4. О равноценности Senseits. 5. Искусство мертвое и живое. 6. Истины. 7. Новое искусство. 8. О «словах». II. Баратынский. III. Поэзия Вл Соловьева. IV. Лермонтов. V. Ив. Конеvской, VI. О театре. VII. О Фете. VIII. О Пушкине.

Здесь следует также отметить, что в библиотеке сохранился комплект статей В. Я., вырезанных из журнала «Весы». Под многими анонимными или подгисанными псевдонимами статьями сделаны пометки В. Я., вроде: «Я или Вячеслав Иванов» или «кажется мое?», «мое ли?». Многие из этих статей имеют значительные исправления.

Книгу Шемшурина «Стихи В. Брюсова и русский язык» (М., 1908) В. Я. весьма тщательно проштудировал и на полях оставил критические заметки. Из книг по стихосложению изобилуют пометками книги: бар. Д. Г. Гинзбурга «О русском стихосложении. Опыт исследования ритмического строя стихотворений Лермонтова» (П., 1915), Виктора Шкловского «Развертывание сюжета» (П., 1921) и др. Само собой понятно, что вышеприведенные пометы в книгах библиотеки В. Я. Брюсова ни в какой мере не исчерпывают всего того богатства маргиналий, которое заключено в книгах библиотеки В. Я. Брюсова.

5

Помимо маргиналий, книги библиотеки Брюсова интересны многочисленными посвящениями на них, принадлежащими нередко перу выдающихся писателей и ученых, русских и иностранных. Очень богат надписями-посвящениями французский отдел. При посещениях Парижа В. Я. знакомился в кружках и литературных кафе с современными французскими поэтами, которые впоследствии дали ему свои книги с надписями.

При знакомстве с абекстами В. Я. получил книги от Вильдрака, Шарля Дюамеля, Аркоса, Кастьо, Жюля Ромена, Рене Гиля, Мандэна, Шюзевиля, Эсмера Вальдора и других французских писателей. При встречах с Верхарном, Метерлинком, Ромен Ролланом Брюсов часто обменивался с ними книгами. Э. Верхарн, с которым В. Я. был особенно близок, подарил Брюсову почти все книги своих стихов. На десяти книгах сохранились его посвящения в стихах и прозе, из которых многие чрезвычайно лестны для русского поэта. На французском издании «Поэмы» Верхарна Брюсов набросал пространный (до сих пор не опубликованный) перевод одной поэмы Верхарна. То же на книге Метерлинка и некоторых других.

Очень много посвящений на книгах, подаренных В. Я. учеными, критиками и писателями. Аничков, Розанов В. В., Чуковский К., Венгеров С. А., Лирондель А., Гиляровский, Грузинский, Коммиссаржевская, Гордон Крег, К. Сомов, М. О. Гершензон, Волошин, Вересаев, Анненский, Айхенвальд, де ла Барт и многие другие оставили надписи. Так, П. Н. Сакулин на книге «Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский», т. I, ч. I. (М., 1913) пишет: «Наше время есть приуровнение к новой форме души человеческой, где поэзия с наукой сольются в едино. Валерию Яковлевичу Брюсову, поэту, ученому с искренним уважением П. Сакулин».

М. Гершензон на своей книге «Мудрость Пушкина» (М., 1919) пишет следующее: «Как поэт — поэта, и как мыслитель провидца; 25 декабря 1919 г.».

Е. В. Аничков на титульном листе своей книги «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян», ч. II (СПб., 1904) надписывает: «Многоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову, победоносцу во всех современных Corti d'amore от искателя первооснов».

Подобные примеры можно было бы в значительной степени умножить.

Особенный интерес представляют книги символистов и их предшественников, занимающие в библиотеке Брюсова значительное место. Очень многие из них хранят посвячительные надписи авторов и испещрены маргиналиями Брюсова.

Так, на книге Фофанова (произведения которого Брюсов всегда читал с

большим вниманием) «Стихотворения, часть первая, маленькие поэмы» (СПБ., изд. Суворина, 1896), на стр. 11, в стихе 2-м, В. Я. Брюсовым подчеркнуты слова: «Стыдась духов платка» и на поле заметка: «Замеч[ательно]»; на стр. 46, в стихе 2-м подчеркнуто: «Вознеслися и Алиса» и на поле заметка: «Пронеслося вопро-са Тютч. Кант[емира]»; на стр. 18 к стихотворению «Утешитель» на поле заметка: «Ориг. впр. ср. Б—м»; на стр. 43 в стихе 1-м подчеркнуто: «Сопутница род-ная», на поле заметка: «Ср. Л—ку Б—т»; на стр. 57 заметка: «Бледно, его осн. сущ. верн. Ф—аз. Всюду поэзия».

Из произведений символистов имеются полные комплекты книг: Бальмонта, Белого, Блока, Гиппиус, Мережковского, Вяч. Иванова, Ф. Сологуба, Добролюбова, Анненского, Волошина и др. Многие книги были преподнесены Брюсову лично поэтами, с посвящениями. На других имеются обширные пометы самого Брюсова.

Так, книга «Символизм» Белого испещрена заметками критического свойства. На полях встречаются следующие надписи: на стр. 5, против строк 1—13 по всему полю набросано: «Мелькают имена Геффдинга, Спенсера, Троицкого, Ренувье, истинно великие и случайные на одной плоскости. Неизвестно зачем цити[руются] их мнения вовсе не оригинальные или сколько-нибудь общеизвестные».

На той же стр. 5, против подчеркнутых А. Белым слов: «Правильно, пожалуй, поступает Спенсер», Брюсовым на полях написано: «Ах, Спенсер, пожалуй, не нуждается в такой добродушной похвале». Далее подчеркнуты строки 31—33 и заметка: «Отвергнув определение культуры Спенсера и др., Белый дает свое — ах!». И здесь же на книжном поле: «Что ни слово, то неясность; все требует новых объяснений. Что такое «творческое преобразование действительности»? Почему это понятнее, чем слово «культура». Что это за объяснение X через 3X—2X».

На стр. 38 по полю отчеркнуты 11—15 строки и заметка: «Защищает доктрин[у] параллелизма в психо[логии]»; на стр. 471 отчеркнуты строки 4—10 и заметка: «Зачем-то биография Гельмгольца в объеме «Малого энциклопедического словаря». Подобными карандашными заметками пестрит вся книга.

В тексте Андрея Белого «Симфония (2-я драматическая)», М., «Скорпион», 1902, многие места отчеркнуты Брюсовым, и на первом листе его заметка: «Пустота и искренность смешаны тут везде...».

Значительное количество маргиналий и посвяительных надписей можно найти и на многих других книгах писателей-символистов, но, так как в полном объеме надписи эти здесь привести невозможно, остановлюсь только на Коневском, Блоке, Иване Бунине, Сологубе, Волошине, Вячеславе Иванове и Анненском.

На книге Ивана Коневского «Мечты и думы» (СПБ., 1900) надпись: «Милому Валерию Я. Брюсову в знак признательности за любовь к моему творчеству и сродства мировоззрений. И. Ореус. Ноябрь, 1899, Пет.».

На книге Анненского «Книга отражений» (СПБ., 1906) на титульном листе надпись: «Валерию Брюсову —

То шелестящему листвою,
То громозвучному на струнах
Я фимиам несущему и свой
Поэту чар янтарнолуных.

Никто. 17/II.—1906

(Ник. Т—о).

На книге Максимилиана Волошина «Стихотворения. 1900—1910» (М., 1910) на титульном листе надпись: «Валерию Брюсову Максимилиан Волошин. Явь наших снов земля не истребит». 1915/III—10. Коктебель».

Блок дарил свои книги Брюсову и почти каждую с посвящением. На книге «Стихи о Прекрасной Даме» (М., «Гриф», 1905) на титульном листе надпись:

«Законодателю русского стиха,
Кормщику в темном плаще,
Путеводной зеленой звезде,
Глубокоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову
В знак истинного преклонения

Александр Блок

29/X — 1904 г. С.-Петербург.

На книге «Лирические драмы» («Шиповник», 1908) на обороте шмуцтитильного листа надпись: «Дорогому и глубокоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову запоздалая книга от преданного ученика. Александр Блок, 29/X—08, СПб».

Произведения Блока отмечены Брюсовым мало, главным образом, черточками, выражающими знак одобрения. Более пространные заметки встречаются на книге «Нечаянная Радость. Второй сборник стихов» (М., «Скорпион», 1907). На стр. 50 по всему полю написано: «Нечеткий, не от невозможного, а от небрежности. Неверные рифмы тоже. Небреж[но], не внимат[ельно], а талантливо. Недоговоренность, не потому что нельзя, а потому, что поэт не может, не умеет договорить то, что договаривать надо». Или на стр. 75 на верхнем поле заметка: «Больше драматург, чем лирик»; на нижнем поле заметка: «Обычай говорить: Она — ее, или он — его, или они — их, не называя ничто именно. Такой дешевый способ создает таинственности, когда в самом деле темнота. Прочти два-три раза, все поймешь, а стихи оказались отнюдь не таинственными». Однако, такие пометки на произведениях Блока все же редки.

Очень внимательно всегда читал В. Я. произведения Сологуба. На книгах этого писателя сохранилось много интересных заметок. Так, например, в книге стихов «Пламенный круг» на стр. 202 написано: «Ради изображения для изображения. — Картина для иллюстрации своего мировоззрения. В историческом смысле симв[олист]. Во всем видит символизм, все обращает в символы и аллегория. — Когда Шиллер рассказывает нам античный миф, он хочет именно рассказывать его; задача Ш. как поэта как можно лучше его рассказать; там смысл виден сам собой, без воли Ш., Сол[огуб] — рассказывает о Тезее. etc. ради того, чтобы плакали».

Особенно богата замечаниями Брюсова книга Сологуба «Стихи», т. I (СПб., «Шиповник», 1909).

На стр. 12 к строфе:

Чиста любовь моя,
Как ясных звезд мерцанье,
Как плеск нагорного ручья,
Как белых роз благоуханье..

на поле заметка: «Простота».

На стр. 23 к строфе:

Туман не редет,
Молочною мглою закутана даль,
И на сердце веет
Печаль...

на поле заметка: «Изысканность».

На стр. 33 на полях отчеркнуты стихи:

Я улетаю в заоблачные дали
В объятьях радостной мечты...

и там же заметка: «Плохо».

На стр. 40 к строфе:

Ангельские лики,
Светлое хваленье,
Дым благоуханий,

У творца-владыки
Вечное забвенье
Всех земных страданий..

на поле заметка: «Противоречие».

На стр. 88 на верхнем поле над стихами:

Стоит он, жаждой истомленный,
Изголодавшийся, больной;
Под виноградною лозой...

Заметка: «Обманчивая простота и обманчивое однообразие».

На стр. 93 следующие стихи отчеркнуты сбоку семью черточками:

Она о муках говорит,
Ее чертоги — место пыток...
Ее губительный напиток
Из казней радости творит...

На стр. 149 стихи:

И ясный холод вдохновенья...
Из грез кристаллы создает...

подчеркнуты, а также отмечены на поле четырьмя чертами.

На стр. 158 к стихотворению «Тихо сумрак набегаёт» — заметка: «Может быть одно и то же повторено несколько раз».

На стр. 160 к стихотворению «Грустная светит луна» — заметка: «Такие стихотв[орения] сливают отрывки какой-то цельностью».

Из посвящений на книгах других символистов следует отметить посвятельную надпись Вячеслава Иванова на книге «Прозрачность» (М., «Скорпион», 1904) на шмуцтитальном листе:

«О сильный Лиры! Ты, чьи сны необычайны.
Верь — одарил тебя не светлый Аполлон,
Но зодчий Лиры сам, Гермес — с ключами тайны,
Струнами властных чар, чьим звоном Амфион
Плоть глыб одушевлял и содвигались живы,
Основы градные седмизатворной Фивы.

19 апр. 1904»

На книге переводов из Алкея и Сафо «Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова» (М., 1914) Вяч. Иванов на выходном листе пишет:

«Candido indici
Vero Romano
docto poëtae
Valerio sodalis.

Книжка тебя догоняет, и с ней догоняют приветы
Дружней любви. Кто быстрее? Ты ль
быстроногий? Она ли?

Вяч. Иванов».

Текст изобилует пометами Брюсова самого разнообразного характера. В. Я. часто указывает на формальные неточности перевода Вяч. Иванова. Брюсов считал переводы Вяч. Иванова не вполне удачными и предпочитал им переводы В. Вересаев.

На книге Ивана Бунина «Новые стихотворения» (М., 1902) на стр. 11 по полю отчеркнуты стихи:

На высоте, где небеса так сини,
Я вырезал в вечерний час сонет
Лишь для того, кто бродит на вершине.

и на поле заметка: «Харак[терные] стихи. Соверш[енно] нелепая задача стилетом вырезать целый сонет, т. е. 14 строк на льду. И увя! поэт сам признает, что это было в Альпах. Там по верш[инам] бродят вов[се] не поэты, а туристы. Это ош[ибка] г-на Бунина».

Целый ряд интересных замечаний В. Я. Брюсова можно найти на книге Д. Мережковского «Новые стихотворения. 1891—1895» (СПб., 1896). Некоторые из этих пометок мы здесь приводим. Так, например:

На стр. 10 к стихотворению «Темный ангел» написано на поле: «Мелко».

На стр. 15 к стихотворению «Леонардо да Винчи» (строфа 3-я)—замечание: «Грубое сравнение»; к строфе 6-й: «Ср. Коневского».

На стр. 16 к стихам:

Все дерзновение свободы,
Вся мудрость вещая в устах,
И то, о чем лепечут воды
И ветер полночи в листьях...

заметка: «Ср. Коневского».

На стр. 22 к стихотворению «Лев» на поле заметка: «Отс[юда] желание рисовать простенькие картинки».

На стр. 23 к стихотворению «Голубое небо» заметка к 1-й строфе: «Отсюда Бальмонт».

На стр. 32 на нижнем поле заметка: «Крас[ивые] фразы, исполненные не образов, не карт[ин], а фраз».

На стр. 36 к стихотворению «Обыкновенный человек» на нижнем поле заметка: «Мережковский не создал своего особого мира, как, например, Добр[олюбов], Баль[монт]. Он на работе остается парнасцем. Изобража[ет] случаи повседневной жизни и старается вложить в них свои излюбленные мысли. Мысли эти привяз[аны] довольно механически».

На стр. 48 к стихотворению «В лунном свете» заметка: «Резко, нет певуч[ести], деревянный стих».

На стр. 59 к стихотворению «Сталь» к стихам:

Гляжу с улыбкой на обломок
Могучей стали,— и меня
Быть сильным учишь ты, потомок
Воды, железа и огня!..

на поле заметка: «Отс[юда] Брюсов».

На книге Н. Гумилева «Жемчуга. Стихи» (М., «Скорпион», 1910) надпись: «Валерию Яковлевичу Брюсову кесарево кесарю. Н. Гумилев».

В книге Гумилева «Романтические цветы. Стихи» (Париж, 1908) на стр. 9, в стихах:

Ночная мгла несет свои обманы,
Встает луна как грешная сирена...

подчеркнуто «грешная сирена» и на поле заметка: «Что это такое?».

На стр. 23 в стихотворении «Ахилл и Одиссей» в стихе 10-м подчеркнуто «лилеет» и на поле заметка: «Опечатка». В стихе 11-м подчеркнуто «дебри» и на поле заметка: «Где там были дебри?».

К стихам:

Брось, Одиссей, эти стоны притворные,
 Красная кровь вас с землей не разлучит,
 А у меня она страшная, черная,
 В сердце скопилась и давит и мучит...

на поле заметка: «Плохо и неясно».

На стр. 31 к стихотворению «Влюбленная в Дьявола» к последней строфе заметка: «Неплохо. Блок».

На стр. 47 к стихотворению «Озеро Чад» в стихе:

Когда на закате он прячется в мраморный грот...

подчеркнуто «мраморный грот» и на поле заметка: «На озере Чад ? ? ?».

Далее здесь же подчеркнуты рифмы: «вождя», «дождя» и замечено: «Произносится дождя».

На стр. 59.— «Нас было пять...» — подчеркнута последняя строфа: «Позор для бога, ужас для людей», на поле заметка: «Кто? мы или океаны. Грамматически неточно».

Далее к стиху «Наш взор являл туманное ненастье» на поле заметка: «Неясно, неясно».

На стр. 58 отчеркнуты стихи:

Есть у каждого загадка,
 Уводящая во тьму
 У меня — моя перчатка...

и на поле заметка: «Слишком».

В заключение считаю необходимым выразить глубокую благодарность И. М. Брюсовой, постоянно помогавшей пишущей эти строки разбирать тексты маргиналий Брюсова. Эта помощь была совершенно необходимой, так как поэт имел обыкновение писать на полях книг карандашом, в настоящее время частично стершимся, а также очень сокращать или не дописывать слова и выражения, в результате чего некоторые тексты для человека, незнакомого с манерой В. Я., становятся почти непонятными.